

К Э Д Э

(Алуштинская легенда).

Кошка, когда крадется, чтобы поймать птицу, не такъ была хищна, какъ Назлы дочь Решеида.

Ахъ, Решеидъ, Решеидъ, Аллахъ знаетъ, какъ наказать человѣка.

Въ Демерджи боялись Решеида. Злой былъ человѣкъ; злой и хищный, какъ старая лисица. Тихо говорилъ; балданъ татлы — сахарное слово зналъ, улыбался, придумывая человѣку обиду.

Пошла Назлы въ отца. Ласкалась, хвалила его; ра-спускалось у отца сердце, какъ благоухающая роза.

Тогда дергала Назлы отца за бороду, царапала, кусала его, и убѣгала въ жасминъ. Не достанетъ тамъ отецъ.

— Хи!

Скрывалъ Решеидъ отъ людей свое горе и попрежнему былъ важенъ, когда на улицѣ ему кланялись и свои, и чужіе.

На много верстъ кругомъ знали Решеида. Отъ Демерджи до Алушты тянулись его сады, а тратилъ на себя меньше, чѣмъ слѣпой Мустафа.

Напрасно все это, Решеидъ-ага.

Умретъ богачъ, не больше останется, чѣмъ отъ бѣднаго.

Бхаль Решеидъ изъ Алушты, продалъ хахылгана.

Если побить больного по спинѣ и потомъ продать бѣлаго пѣтуха, — хахылгана, то, когда начнутъ зеленѣть деревья, вся твоя болѣзнь перейдетъ къ другому, кому продалъ хахылгана.

Болѣлъ у Решеида давно животъ, теперь больше не будетъ болѣть. Шла дорога въ гору. Устали лошади бѣжать, усталъ Сейтаръ погонять.

— Айда, Сейтаръ, сердился Решеидъ.

Не свои были лошади, чужихъ нанялъ, нечего было жалѣть.

Смотрѣлъ Решеидъ-ага на свой садъ, пріятно было.

Миндаль одѣлся листьями, другія деревья были въ цвѣту.

Думалъ Решеидъ: — Ктонибудь двадцать тысячъ дастъ, опять не отдамъ.

Оглянулся назадъ. Высоко поднялись. Синее море, какъ стѣна стало. Красиво было смотрѣть. Только не подумалъ объ этомъ Решеидъ-ага, о другомъ подумалъ.

— Какъ много добра даромъ пропадаетъ. Когда кушаютъ люди, сколько сала на тазу остается...

Мяукнула у плетня кѣдѣ, кошка.

— Отчего кѣди эти, напимѣрь, нельзя ѣсть? Ну, самъ не ѣшь, гостей можно накормить. Прибавить курдюку — хорошій пилавъ будетъ.

Пріѣхалъ домой. сказалъ Назлы, что думалъ по дорогѣ.

Смѣялась Назлы.

— Вотъ хорошо. Непремѣнно сдѣлаемъ такъ. Соберемъ сосѣдскихъ кошекъ. Сама рѣзать буду. Повоземъ гостей изъ Шумы!

Радъ былъ Решеидъ посмѣяться надъ шуминцами.

Давно хотѣлъ ихъ наказать за то, не что продали ему лѣса.

— Сдѣлаемъ. Только смотри, никому не говори.

Пропала кошка у одного, у другого. Мало ли куда могла забѣжать. Не удивились.

Удивились, что Решеидъ-ага гостей изъ Шумы позвалъ всѣхъ, кто бороду запустилъ.

— Не даромъ.

Подала Назлы пилавъ. Дымился рисъ, только немножко неприятный запахъ былъ. Точно кошка близко ночевала.

Однако шуминцы ѣли, нѣкоторые даже хвалили.

— А ты отчего самъ не ѣшь? угощала Назлы отца.

— Попробовалъ бы, какъ я приготовила.

Отплюнулся въ сторону Решеидъ, смолчалъ.

А шуминцы хвалили.

— Хорошая хозяйка у тебя дочь, охъ, хорошая, въ тебя вся пошла.

И много еще другого говорили хозяину.

Только икнулъ одинъ и показалось ему, что въ животѣ у него мяукнула кошка.

Слышали другіе, подумали:

— Обрадовался человѣкъ, что въ гостяхъ объѣлся.

Однако, когда на ночь вернулись въ Шумы, не у одного, у всѣхъ замяукало въ животѣ.

Не спали всю ночь, мучились, точно кто царапалъ внутри.

А старый Асанъ чуть не умеръ.

— Да что ты, кошку что ли съѣлъ, сердился на него сынъ, потому что тотъ не давалъ ему спать.

И подумалъ Асанъ—не посмѣялся ли въ самомъ дѣлѣ надъ ними Решеидъ-ага, не накормилъ ли дрянью.

А на утро вся деревня узнала, что накормилъ Решеидъ-ага людей пивомъ изъ кѣдѣ.

Шли мимо два демерджинца и посмѣялись надъ глупостью шуминцевъ.

Обрадовались, кошатины наѣлись. Мяу, мяу!

И стало отъ всѣхъ шуммицевъ послѣ этихъ словъ пахнуть кошкой. И черезъ мѣсяцъ, и черезъ годъ, и черезъ десять лѣтъ, и даже теперь не прошло. Ѣдешь мимо Шумы слышишь кошку.

Можетъ быть, что и прибавилъ; не прибавишь хорошо не расскажешь.

— Артмасы—ганиме.

Только одно правда. Если проѣзжаешь по шоссе мимо Шумы—не дай Богъ сказать—мяу.

Лучше молчи.

Хорошо если тебя обругаютъ, или плюнутъ, случится топоръ, и топоръ въ догонку полетитъ. А не вѣришь—испытай. Крикни, проѣзжая—мяу.

Посмотри—что выйдеть.

